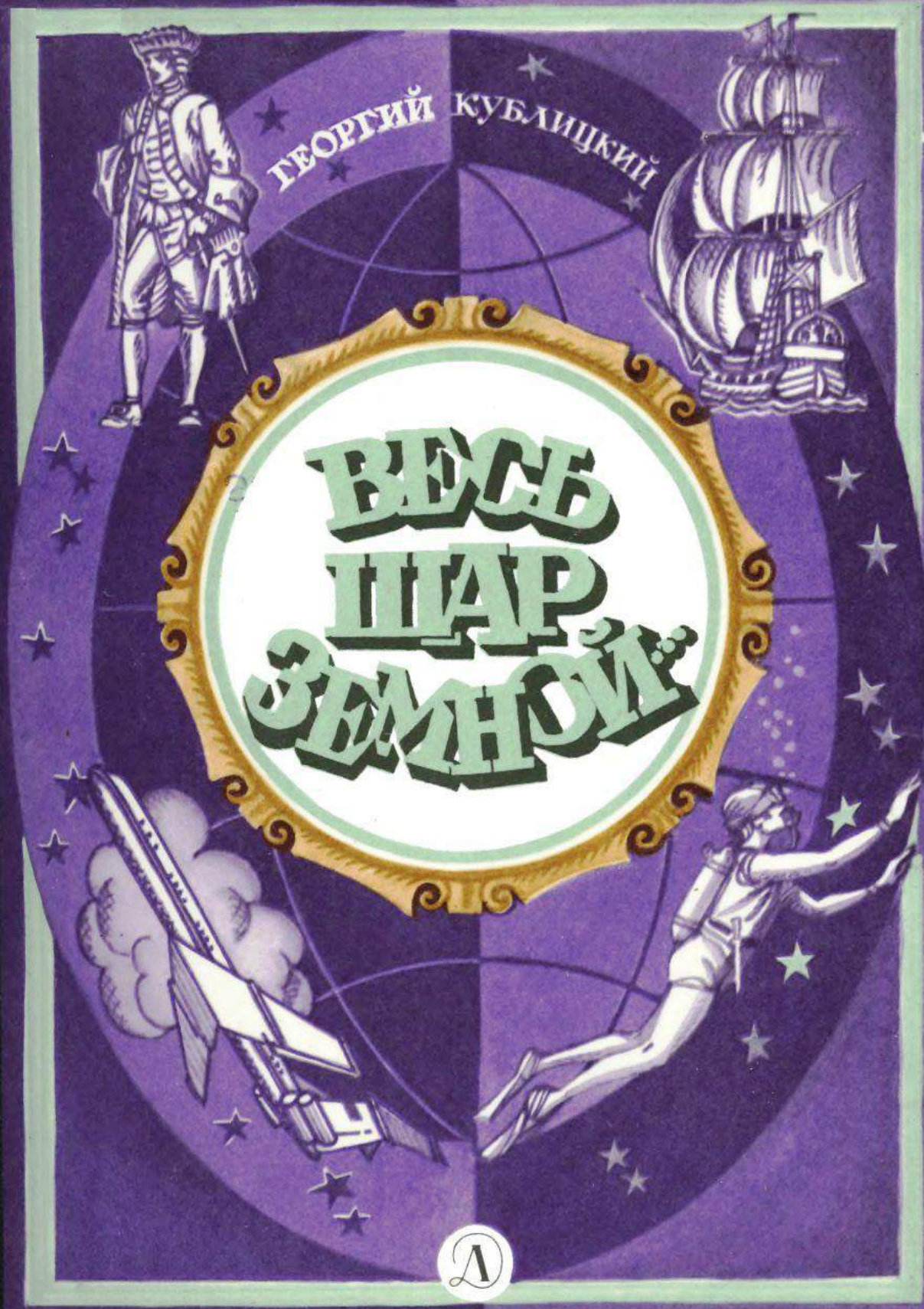

Г. КУБЛИЦКИЙ · ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...

ПОЛЯРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Странно порой переплетаются пути и судьбы людей!

История полярных исследований по сей день полна загадок и нераскрытых тайн. Но бывает, что загадки, которые давно считались разгаданными, вдруг возникают снова. Стройную версию разрушает случайная, казалось бы, совсем незначительная находка, какая-нибудь медная пуговица в золе костра.

И даже не обязательно находка: просто кто-то более внимательно вчитался в давние, всем известные документы и обратил внимание на то, что упускали другие. Рвется цепочка общепризнанных доказательств, рождаются неожиданные предположения.

Так случилось и на этот раз в истории жизни и смерти последнего землепроходца. Почти через полвека после его странной гибели всплыла загадка исчезновения двух полярников, разгадку которой он считал одним из своих главных дел. Всплыла и оказалась связанной с прояснением эпилога еще одной драмы в Арктике.

«На могиле сохранился деревянный некрашенный крест пепельно-серого цвета, местами истлевший, покрытый плесенью, лишайниками и подгнивший у основания.

При осмотре креста на доске, расположенной под второй крестовиной, была обнаружена давно выцарапанная и выветрившаяся надпись: «...егичев...».

После наружного осмотра приступили к вскрытию могилы».

Так записали криминалисты, по поручению Генерального Прокурора СССР распутывавшие старое сложное дело. Поводом для расследования, сообщала прокуратура, была статья в одной из центральных газет, настаивающая на тщательной проверке всех обстоятельств смерти Никифора Бегичева.

Написал статью автор книги, которую вы читаете.

Среди многочисленных историй, рассказываемых на Таймыре, затрудняюсь назвать хотя бы одну, схожую с историей жизни боцмана Бегичева. Приключения этого полярного следопыта людская молва расцветила полулегендарными подробностями.

Особенно же много разговоров и пересудов вызвала его загадочная смерть.

Впервые об убийстве Бегичева я услышал еще в юности от доброго знакомого нашей семьи, капитана Михаила Ивановича Драничникова. Он командовал буксирным пароходом, который каждый год уходил в низовья Енисея. Приведя свой пароход на зимовку в Красноярск, капитан зашел к нам в гости и рассказал матери историю, о которой «шумят на Севере».

Вот суть его рассказа.

Весной 1926 года Бегичев ушел в тундру во главе артели охотников. До лета следующего года о нем никто ничего не слышал. Летом охотники вернулись и сказали, что Бегичев «оцинжал», то есть заболел цингой и умер на побережье Северного Ледовитого океана.

Но в селении Дудинка, откуда артель ходила на промысел, знающие люди по секрету рассказывали капитану: Бегичева убил в ссоре один из охотников. Кто поверит, что такой опытный полярник, как Бегичев, «оцинжал», а новички все уцелели?! Охотники решили скрыть убийство — «затаскают по следствиям да судам, а мертвого все равно не воротить». Но потом кто-то будто бы проговорился во хмелю...

Слухи об убийстве дошли до прокуратуры. В 1928 году началось следствие по уголовному делу «О нанесении тяжелых побоев и последующих мучительных истязаниях Бегичева Никифора Алексеевича, приведших к его смерти».

К сожалению, материалы следствия затерялись в архивах, и позднее криминалисты не могли использовать их. Сохранились лишь заметки, сделанные много лет назад местным краеведом.

Судя по ним, все члены охотничьей артели подтвердили на следствии: да, Бегичев умер от цинги.

Все, кроме кочевника Манчи.

Он утверждал, что хотя Бегичев действительно болел цингой, но не она была причиной смерти. Один из членов артели, некий Н., который мечтал занять место Бегичева, поссорился с ним из-за собачьей упряжки, повалил больного на землю и жестоко избил. После побоев Бегичев уже не вставал с лежанки...

Если все обстояло так, то на теле должны были сохраниться следы побоев. Вскрытие могилы могло дать доказательства насильственной смерти либо опровергнуть свидетеля обвинения.

Но в те годы Таймыр был дик и труднодоступен. Чтобы попасть на берег Северного Ледовитого океана к устью реки Пясины, к мысу Входному, где был похоронен Бегичев, требовалась специальная экспедиция.

Следователь, отправившийся на вскрытие, застрял в пути, просидел в тундре два месяца и вернулся обратно. Вскоре уголовное дело было прекращено за недоказанностью преступления. Однако слухи об убийстве не прекратились, да и в печати время от времени появлялись статьи: не худо бы, мол, снова заняться этим делом.

В 1936 году я участвовал в арктической экспедиции. Во время корот-

кой стоянки судов у мыса Входного попытался искать могилу Бегичева. На мысу только что начали строить рыбацкий поселок. Рыбаки слышали о могиле, но никто не видел ее. Один из них нехотя согласился пойти со мной в раскисшую летнюю тундру. Я взял капитанский морской бинокль. Бродили мы часа четыре. Но креста нигде не было видно, а то, что мы принимали иногда за могилу, оказывалось холмиком, каких в тундре много. Вернулись в поселок ни с чем.

В том же году журнал «Советская Арктика» напечатал очерк о Бегичеве, выразительно озаглавленный «Последний одиночка». Автором его был полярник и литератор Никита Яковлевич Болотников.

С редкой настойчивостью он много лет по крупицам собирал все, что относилось к жизни Бегичева, и написал книгу о русском исследователе-самородке. В ней описана и смерть Бегичева, умершего от цинги.

Но другой путешественник по сибирскому Северу, поэт Казимир Лисовский, никак не хотел согласиться с тем, что Бегичев с его опытом жизни в снегах мог погибнуть столь нелепо. Он разыскал в тундре свидетеля, глубокого старика, рассказ которого в общих чертах совпал с давними показаниями Манчи.

Поэт обнаружил и могилу Бегичева.

Крест давно подгнил и свалился — вот почему я не увидел его. К нему была прибита ржавая иконка. Рядом валялась дощечка с едва заметной надписью о том, что здесь покоится прах известного путешественника Бегичева, скончавшегося 53 лет от роду.

Для того чтобы окончательно удостовериться, что чуть заметный холмик — действительно могила следопыта, Лисовский и помогавшие ему рыбаки начали копать оттаявшую землю. Вскоре показалась крышка гроба.

«Одна из досок гроба, сохранившихся совершенно свежими, немного отстала, — записал поэт. — Мы приподняли ее. Гроб оказался сплошь забитым мутным льдом. Сквозь толстый слой льда еле виднелись очертания тела...».

Значит, тайна смерти Бегичева может быть наконец раскрыта!

Обо всем этом я, сопоставив результаты многолетней работы двух исследователей, и написал в статье, заинтересовавшей Генерального Прокурора СССР.

К мысу Входному, к могиле Бегичева, вылетели московские криминалисты. Это было летом 1955 года.

*

Никифор Бегичев родился на Волге, в тихом городке Царева. Когда пришло время военной службы, попросился на флот.

Парусный учебный фрегат «Герцог Эдинбургский», куда его зачислили, ходил в плавание к Вест-Индии, побывал в водах Средиземного моря.

Круто повернулась жизнь Бегичева после того, как однажды на фрегате появился лейтенант, искавший добровольцев для рискованной экспе-

диции в Арктику. Он набирал команду для яхты «Заря», которая отправлялась на поиски таинственной Земли Санникова.

Через несколько дней Бегичева зачислили боцманом экспедиционного судна.

Руководил экспедицией ученый и мечтатель Эдуард Васильевич Толль. Поиски земли, ускользавшей от исследователей, стали делом его жизни.

Командовал «Зарей» лейтенант Коломейцев, его помощниками были лейтенанты Матисен и Колчак. Нет, не однофамилец будущего «кровавого адмирала», «верховного правителя». Он самый, Александр Колчак, в те годы никому не известный гидрограф.

Плавание «Зари» началось летом 1900 года. Оно продолжалось две полярные навигации. Землю Санникова обнаружить не удалось. И тогда Толль с тремя спутниками покинул судно. На собаках и байдарках они намеревались добраться до далекого острова Беннета, а оттуда двинуться дальше на север в поисках земли-мечты, а вернее, земли-призрака. Потому что она не найдена и по сей день...

Из этого похода ученый и его спутники не вернулись. «Заря» пыталась пробиться к острову Беннета, но льды не пустили ее.

На следующий год для поисков Толля на островах Северного Ледовитого океана Академия наук отправила два отряда. С одним на весельном вельботе — большой шлюпке — ушел Бегичев.

Этот отряд, которым командовал Колчак, достиг острова Беннета. Удалось обнаружить стоянку Толля и его письмо: ученый, так и не найдя своей земли, рискнул полярной ночью идти к материку. На этом обратном пути следы Толля и его спутников оборвались.

Бегичев был душой отряда и его вожаком во время многотрудных, опасных поисков.

Моряки вернулись на материк накануне русско-японской войны. Бегичев получил назначение на миноносец «Бесшумный», воевал под Порт-Артуром, был награжден Георгиевским крестом за умелую заделку пробоины в корабле.

Кончилась война. Бегичев мог остаться на флоте, мог поселиться в родном Цареве. Но он еще во время экспедиции на «Заре» «заболел» Севером.

Один из друзей прислал Бегичеву письмо: приезжай в Туруханский край, на Таймыр, там просторно, вольготно, край нехоженный, зверь непуганый...

Летом 1906 года Бегичев появился в небольшом поселке Дудинка, расположенном на берегу Енисея севернее Полярного круга.

Высокий, бравый, с закрученными кверху, по-флотски, кончиками усов, он понравился дудинцам. Было ему 32 года, знал он множество занятных историй, оказался человеком компанейским, веселым, но чувствовалось, что это человек «с характером».

В начале зимы Бегичев уехал в тундру. Вернулся только по весне. Мешки, привязанные к его оленьим санкам-нартам, распирали от шкурок полярной лисицы — песца. Дудинцы поначалу решили, что приезжий

скупил пушнину у кочевников. Их легко было обмануть, на этом наживались многие.

Но потом слышали от охотников: новичок сам ставил ловушки, сам добывал песка. Он, оказывается, успел изрядно помотаться по тундре. Кочевники дали моряку имя «Улахан Анцифер» — «Большой Никифор». Было похоже, что моряк приживается на Таймыре.

На следующий год Бегичев опять уехал на промысел.

Однажды он грелся в чуме старого Захара Бетту и рассеянно слушал его рассказы, где был мешалась с небылицами. Захар вспоминал прежние времена и, конечно, говорил, что раньше люди были крепче, храбрее, вообще — лучше.

— Ходили, однако, к «Шайтан-земле»... Теперь кто пойдет? Далеко, боятся идти...

Бегичев насторожился. Что это за земля?

— Я был молодой, сам ходил к ней, с берега ее видел. На ту землю, однако, никто не ходит, там шайтаны своих волков пасут.

Мало ли небылиц рассказывают на Таймыре? Послушать стариков, так в тундре за каждым камнем шайтан.

А Бетту продолжал: плохой остров, много там людей погибло. Большой остров, «Шайтан-земля», «Земля дьявола». Хоть и недалеко от берега, как раз против Хатангской губы, да только нет теперь смельчаков, чтобы туда добрались...

Против Хатангской губы? Там на карте — синь, простор.

— Слушай, Бетту, я бы пошел на «Шайтан-землю». Да ведь это все сказки, нет такой земли.

Старик разволновался. Как это нет?! Пусть у него отнимутся ноги, пусть отсохнут руки, если он врет! Есть «Шайтан-земля», своими глазами видел ее с Соляной сопки!

Он, Бетту, такой человек, что врать не будет: ходить на ту землю не ходил, побоялся, а видеть видел. Ходить туда страшно, шайтан напускает на людей свирепых волков. Был такой охотник Сизой, храбрец из храбрецов, добрался до «Шайтан-земли», да только там и сложил свои косточки...

В начале 1908 года Бегичев опять отправился в тундру. К весне с двумя спутниками он пересек весь Таймыр. Они нашли сопку, о которой говорил Бетту. Морозная дымка размывала дали. В стекле бинокля надо льдами маячила призрачная синеватая полоска.

Земля! Взять на нее направление по буссоли было делом нескольких секунд.

Бегичев налегке погнал оленью упряжку через нагромождение льдов. Так вот она какая, «Земля дьявола»! Голый остров. Множество песцовых следов. Черные камни, торчащие из-под плотного снега. И что важно — похожий на мох ягель, олений корм.

Новоселы «Земли дьявола» наспех сложили избушку из плавника, из стволов деревьев, вынесенных сибирскими реками в океан. Бегичев торопился: надо обойти остров, начертить его карту.

Как это делается, он представлял не очень точно. Но природная смет-

ка, наблюдательность и страстное честолюбивое желание приобщиться к науке помогли ему еще во время плавания на «Заре» понять суть съемочных работ.

Трое с шагомером и буссолью пошли в обход острова. Шли весь день, ночевали возле речушки.

На рассвете боцман проснулся с неприятным ощущением близкой опасности. Выглянув из палатки, увидел волка. Зверь отбежал на бугор и стоял там, нюхая воздух.

Бегичев выстрелил, но промахнулся и тут заметил другого волка. Испуганный выстрелом, он почему-то бежал прямо к лагерю.

А олени, где же олени?!

Вот тебе и шайтановы волки... Пешком Таймыр не пройдешь. Бегичев схватил ружье и побежал к берегу. Следы оленей терялись во льдах пролива.

Одного спутника Бегичев оставил в лагере, а с другим поспешил на поиски. К вечеру они пригнали стадо. Олени были целехоньки: почуяв волков, они умчались по знакомой дороге в сторону материка.

После этого несколько ночей спали по очереди, оставляя одного караулить оленей, чтобы шайтан опять не напустил на них волков. Но волки больше не появлялись. А после долгого дневного перехода так тянет ко сну... И очередной караульщик проспал половину стада.

Олени исчезли, не оставив следов.

Целый месяц Бегичев со спутниками шел вдоль побережья острова. Уже недалеко был мыс, откуда они отправились вдоль берегов «Земли дьявола». И вдруг боцман увидел нечто, чему не сразу поверил: на берегу кривилась избушка-развалюха.

Так, значит, на острове уже бывали люди?!

В избушке было темно, пахло плесенью. Вспыхнул желтый огонек спички.

В полутьме Бегичев различил похожие на алебарды топоры с длинными топорищами. Стали смотреть внимательнее. В земляной пол были втоптаны шахматные фигурки странной, непривычной формы, вырезанные из мамонтовой кости.

Выходит, здесь был лагерь неведомых мореходов или промысловиков. Погибли они? Ушли на материк? И когда это было?

Бегичев видел алебарды только в музеях. Ими орудовали, пожалуй, еще до Петра Великого. Тогда сколько же избенке годков?

И о другом размышлял Бегичев. Раз здесь в старину жили русские люди, то что помешает обосноваться на острове их потомкам? Тут ведь не только зверь не пуган, но и земля не бедна. В нескольких местах нашел Бегичев пласты каменного угля, который хорошо горел в походной железной печке, а в горах на острове видел черную густую жидкость, похожую на нефть. Возможно, что в тех образцах горных пород, которые он всюду собирал во время поездок, тоже было что-нибудь ценное. Но в полезных ископаемых боцман разбирался плохо.

Когда настала полярная ночь и морозы прикрыли море молодым льдом, Бегичев с товарищами повез на материк добычу: туши диких

оленей, песцовые шкурки, мамонтовую кость, образцы пород и растений.

По тундре, где все в движении, в вечных перекочевках, слух летит со скоростью оленьей упряжки. Тундра с одобрением присматривалась к новичку после его первого удачного песцового промысла. Теперь поход на «Землю дьявола» сделал Улахан Анцифера героем, достойным рассказов у костра.

И признание пришло не только на Таймыре.

Весной 1909 года Бегичев в черном сюртуке, в галстук, неумело повязанном на могучей медной шее, ходил по Петербургу.

Генерал-лейтенант Вилькицкий-старший, начальник Главного гидрографического управления, принял его, заинтересовавшись картой открытого острова. Бегичева пригласили на торжественный обед в честь спуска на воду ледокольного судна «Вайгач». Он был всячески обласкан и в Академии наук. Академик Чернышев обещал ему поддержку и помощь.

В Дудинку Бегичев вернулся с бумагой, в которой таймырским властям предписывалось оказывать ему содействие, и с нетерпеливым желанием еще раз побывать на «своем» острове, чтобы основательнее обследовать его.

Многие просились со следопытом: промысел непуганого песца сулил достаток. Бегичев взял прежних спутников и двух новичков.

Весной 1910 года они благополучно перешли пролив.

Возле старинного зимовья поставили избушку из плавника. Лето минуло незаметно. Охотники мастерили песцовые ловушки. Бегичев разъезжал по острову, нанося на карту месторождения угля, собирая черепа мускусных быков и мамонтовую кость. Ему посчастливилось найти не только бивни и разрозненные части скелета, но даже кожу и мясо гигантского ископаемого.

Теперь у Бегичева были инструкции Академии наук и кое-какие книги. Он уже умел определять некоторые камни, мог правильно написать этикетку к каждому образцу.

Осень радовала приметами близкого удачного промысла: песцы шныряли по острову, и оставалось только дожидаться, когда отрастет их зимний белый мех. Охотники заготовили много мяса диких оленей, запаслись топливом. Зима не пугала, ее ждали с нетерпением.

Как-то ночью Бегичева разбудил вой. Пришла расплата за беспечность. Волки разогнали все оленье стадо.

Долгие поиски ни к чему не привели. Бегичев встревожился: надо всем уходить на материк, без оленей в тундре беда.

Но двое, Гаркин и Семенов, заупрямились. Вот еще, уходить от промысла, когда песец сам в руки идет! Можно ведь высматривать ловушки и на лыжах.

Бегичев сердился, упрекал упрямцев в жадности, глупости, но убедить их так и не смог. Темной полярной ночью в самые свирепые морозы он, оставив двоих в избушке, с остальными спутниками пешком перешел через пролив на материк.

По весне Бегичев купил вместо оленей ездовых собак, продовольст-

вия и вернулся на остров со своими друзьями-якутами, поборовшими страх перед кознями шайтанов и согласившимися проводить его до «Земли дьявола».

Гаркин и Семенов обрадовались приезжим. Последнее время они берегли каждый кусок.

Бегичев понял, что такие люди не добьются на Севере многого: ленивы, бездеятельны, беспечны. Плавника на острове сколько хочешь, они же разобрали и спалили в печке старую избушку, а самую лучшую пору для охоты провалились на койках.

Бегичев растормошил лентяев. Стали бить зверя, ловить рыбу. До осени на острове жили дружно.

С наступлением темной поры Бегичев, объезжая пустые ловушки, увидел, что в этот год хорошей добычи не жди: песцы в поисках корма, должно быть, ушли на материк. Ну что же, как говорится, раз на раз не приходится, надо чинить нарты да за песцами вдогонку...

Но Гаркин с Семеновым и на этот раз воспротивились: песцы вернуться, не резон уходить без добычи. Начались ссоры. Властный, не терпящий возражений Бегичев горячился, стучал кулаком по столу.

Однако упрямцы твердили свое: «перебьемся». Бегичев в сердцах крикнул, что, в конце концов, именно он за все в ответе, раз сам привез их на «свой» остров.

Тогда Гаркин протянул ему заранее написанное письмо. В нем говорилось, что купеческий приказчик Ефим Гаркин и дудинский охотник Николай Семенов, находясь в здравом уме и твердой памяти, по своей доброй воле остаются на острове, и если что с ними случится, то они ни в чем Н. А. Бегичева винить не будут.

Но Бегичев все же настоял, чтобы Гаркин поехал с ним на материк и пополнил запасы провизии.

Кто знает — может, неудача на острове, а может, беспокойный дух бродяжничества погнал Бегичева прочь с Таймыра.

Лето он провел в разъездах. Побывал и в родном Цареве, и в Нижнем, и в Астрахани, и в Москве, и в Петербурге, метался в поисках нового дела, которое бы захватило целиком.

А поздняя осень застала его в лодке, плывущей вниз по Енисею. И вот итог его исканий: «Я решил вернуться опять на старое место к берегам Ледовитого океана, где себя чувствовал независимым и совершенно свободным гражданином».

Он добрался до Дудинки уже зимой и узнал, что Гаркин и Семенов с острова не возвращались. Обеспокоенный Бегичев при первой возможности в одиночку перебрался через пролив.

Еще издали он увидел, что зимовье занесено снегом по самую крышу.

«Я зашел в избу, но в ней было очень темно,— записал в тот день Бегичев.— Окна были забиты снегом. Я наткнулся на койку, где лежало что-то твердое. Я вышел и принес свечу, зажег ее. Открыл одеяло — там лежал мертвый Гаркин, а Семенова не было. На столе лежал дневник».

Это были записи Гаркина о событиях на острове.

Охотники, оставшись одни, упустили лучшее время промысла. Их

терзали голод и цинга. Идти на материк в темную зимнюю пору они побоялись.

Первым умер Семенов. Он упал в снег возле пустой песцовой ловушки. У Гаркина не было сил похоронить товарища. Он еще долго боролся с голодом, варил старые кости песцов и оленей, грыз расшатавшимися зубами сухие ремни из моржовой кожи.

«Все надежды потеряны, если не придут люди, хотя бы вы, милый Никифор Алексеевич...» — читал Бегичев.

Последняя запись была сделана 19 марта:

«Я ожидаю конца существования».

Несчастный умер всего за несколько дней до приезда Бегичева.

Следопыт навсегда покинул «Землю дьявола», которая обозначена теперь на всех картах как остров Бегичева, и вернулся в Дудинку.

Слух о событиях в Сибири с опозданием на два года дополз до Петербурга. Журнал «Вокруг света» напечатал статью «Трагедия Полярного круга». Статья начиналась так: «Летом 1913 года русская экспедиция под руководством инженера Бегишева...»

Видимо, простой боцман в роли исследователя не устраивал автора статьи. Для занимательности он превратил спутников «инженера Бегишева», Гаркина и Семенова, в золотоискателей и выдумал какого-то японского лоцмана Котцу, китобоя и авантюриста, который будто бы вероломно покинул их. На этом острове Гаркин и Семенов били соболей и куниц, добыли полпуда золота, открыли таинственный «лагерь шестидесяти мертвецов».

Когда журнал попал в Дудинку, «инженер Бегишев» был далеко от нее. Перед ним бурлила половодьем широкая река, не нанесенная на карты. У берега сгрудились олени упряжки. Улахан Анцифер в мучительном раздумье смотрел на мутные волны.

Надо было разведать переправу. Во что бы то ни стало. Любой ценой.

Бегичев шел на помощь кораблям экспедиции Северного Ледовитого океана «Таймыру» и «Вайгачу», затертым льдами возле побережья. Там ждали пополнения запасов продовольствия. Больные и те, без кого можно было обойтись на зимовке, надеялись выбраться на материк. Бегичев пообещал выручить моряков. И вот теперь эта река...

А, была не была!

Бегичев связал веревкой двух сильных оленей. Стал раздеваться, переступая босыми ногами по замерзшей за ночь глине. Взял в зубы нож. Погонщик оленей отпрянул в сторону, забормотав в страхе:

— Улахан Анцифер ум кружал! Совсем ум потерял, беда!

Кто же, как не сумасшедший, будет раздеваться на ветру, от которого и в оленьей малице дрожь пробирает!

Бегичев погнал в воду оленей. Прыгнул следом за ними, ахнул, задохнулся. Судорога свела тело. Успел схватиться за веревку. Олени плыли через реку, испуганно кося на него глазами. Только бы не разжалась окоченевшая рука!

На середине реки олень запутал веревку на рогах, потянул другого,

тот начал захлебываться. Бегичев ударил ножом по туго натянутой веревке. Олени повернули назад к стаду. Бегичев поплыл один.

Через полчаса он, весь синий, стуча зубами, пригнал унесенный ветром на другой берег каяк и велел начинать переправу.

Вскоре со стоящего среди льдов судна «Эклипс» заметили вдали долгожданные олени упряжки.

«Эклипсом» командовал норвежский капитан Отто Свердруп, друг и соратник Фритьофа Нансена. Судно было снаряжено русским правительством для поисков полярных экспедиций, бесследно пропавших летом тяжелого в ледовом отношении 1912 года.

Экспедицией на «Св. Анне» руководил лейтенант Георгий Брусилов. Экспедиция на судне «Геркулес» ушла во льды под начальством полярного исследователя и революционера Владимира Русанова.

След «Св. Анны» вскоре отыскался — и об этом особый рассказ. О судьбе же «Геркулеса» Свердруп не удалось узнать решительно ничего (минуют еще два десятилетия, пока из небытия дойдет первая весточка о пропавшей экспедиции). А пока что «Эклипс» дал приют людям с «Таймыра» и «Вайгача», пришедшим сюда и ожидавшим Бегичева.

Улахан Анцифер на головной упряжке несся к «Эклипсу». Оттуда салютовали винтовочной пальбой. Бегичев едва не валился с ног: шутка ли, сорок семь дней тяжелейшей дороги!

Когда «Эклипс» передал по радио на «Таймыр» о приходе санной партии, оттуда дважды запрашивали, точно ли, что прибыл именно Бегичев?

Вскоре караван, забрав пятьдесят моряков экспедиции Северного Ледовитого океана, повернул на юг.

*

Конечно, Бегичев совершил подвиг, посильный лишь человеку, знающему Север, имеющему надежную опору в тундре. Только Улахан Анцифер смог по весне, перед началом перекочевков, нанять многие сотни оленей у своих приятелей — а приятели у него были на каждом становище. Только Бегичев с его упорством, с его верой в себя мог пробиться к океану через весеннюю тундру, когда пурга внезапно сменяется оттепелью с дождем, снег раскисает, плотный туман скрывает все вокруг, ручьи на глазах превращаются в речки, а речки — в бурные реки. С сотворения мира на них никто не строил мостов, а единственный способ переправы — гнать оленей в ледяную воду вместе с деревянными нартами...

Да, Бегичев совершил подвиг. Но его не оценили полной мерой.

Началась долгая волокита с отчетом и с расчетом. Бегичев истратил на экспедицию много своих денег: все обошлось дороже, чем он думал сначала. Чиновники из Петрограда докучали назойливыми придирками: почему он, Бегичев, бросил в тундре износившиеся нарты, ведь это все-таки казенное имущество?

Получилось, что годы, потянувшиеся после похода к «Эклипсу», стали

самыми тяжелыми и пустыми в жизни Бегичева. Нельзя сказать, чтобы он бедствовал, но приходилось считать каждый рубль. Были деньги «на жизнь», и не было для того, чтобы отправиться в давно задуманный поход на малоисследованные земли за хребет Бырранга.

А пока он без настоящего дела сидел в Дудинке, начались важные события. Всех взбудоражила депеша об отречении царя. Из Туруханского края потянулись к югу обозы: ссыльные торопились «в Россию». Трехцветный флаг над дудинской почтовой конторой сменился красным. Все говорили о революции, говорили по-разному, Бегичев слушал и ни в чем не мог разобраться по-настоящему.

Позднее, когда в Сибири началась гражданская война, Улахан Анцифер не примкнул ни к одному из лагерей. А ведь он мог рассчитывать на покровительство самого «верховного правителя»! Хотя во время экспедиции на «Заре» между морским офицером Колчаком и боцманом не раз происходили крупные стычки, однажды Бегичев спас Колчака от неминуемой гибели в трещине среди льдин, и тот обещал никогда в жизни не забыть своего спасителя...

Но Бегичев не пошел к колчаковцам. А когда на Севере окончательно утвердилась Советская власть, присматривался к новым людям без особого дружелюбия. И конечно, не потому, что они прижали купцов и посадили в кутузку пристава.

«Вина» их была в том, что они забыли его, Никифора Бегичева, георгиевского кавалера, обладателя золотой медали за экспедицию на «Заре», открывателя «Земли дьявола». Забыли, будто и нет его вовсе, будто ничего не сделал он полезного на Таймыре и никому теперь не нужен.

Красные флаги полоскались на мачтах пароходов, привозивших в Дудинку соль, порох, отпечатанные на оберточной бумаге брошюры. Приезжали люди с мандатами, уходили в тундру искать уголь, учить ребятишек, ловить укрывшихся колчаковских карателей.

Жизнь шла своим чередом, странная, не похожая на прежнюю. Шла мимо окон домика, где томился боцман Бегичев.

*

Поздней осенью 1920 года матрос с гидрографического бота «Иней» прибежал к дому, где жил Бегичев, и попросил боцмана срочно прийти на судно.

На «Инее» его ждал представитель Комитета Северного морского пути. Бот, убежавший от ледостава, оказывается, специально зашел в Дудинку. У представителя Комитета было важное дело к Бегичеву.

Год назад Руал Амундсен, дрейфовавший возле берегов Таймыра на судне «Мод», послал двух своих спутников, Кнутсена и Тессема, к устью Енисея, на остров Диксон. Они должны были доставить туда научные материалы экспедиции. Однако норвежцы исчезли в тундре. Посланная из Норвегии на розыски шхуна «Хеймен» их следов не нашла. Что, если попытаться теперь Бегичеву?

— Поищу,— сказал Бегичев. В душе он торжествовал: о нем вспомнили, он нужен, он еще покажет, на что он способен!

Вскоре пришла радиограмма, подтверждающая, что поиски должны начаться ближайшей весной. Были в радиограмме особенно дорогие Бегичеву строки о предстоящей экспедиции: «Примите участие как в организации, так и в выполнении ее по примеру 1915 года. Со стороны Советреспублики вам будет оказано содействие».

И снова, как в 1915 году, Бегичев собрал оленей — огромное стадо, пятьсот голов. Снова была весенняя тундра. Сначала караван проделал долгий путь до Диксона. Отсюда вдоль побережья океана с Бегичевым пошли капитан зимовавшей у острова шхуны «Хеймен» и матрос, знавший русский язык.

Дневник похода — хроника нарастающих трудностей: «Олени падают»; «Холодно»; «Идем по водянистому снегу»; «Олени бредут в нем по брюхо»; «Бросили 9 оленей»; «Дров нет, хлеба давно уже нет, пожалуй, доведется есть сырое мясо»; «У нас пали все олени...».

До места, где Тессем и Кнутсен должны были по уговору с Амундсеном оставить письмо о своем походе, экспедиция шла пятьдесят дней. Это был памятный Бегичеву мыс Вильда, возле которого в 1915 году стоял «Эклипс».

Где норвежцы могли спрятать письмо? Конечно, в сложенной из камней пирамидке. Там действительно оказалась жестянка с запиской:

«Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года... Мы находимся в хороших условиях и собираемся сегодня уходить в порт Диксон.

Петер Тессем, Пауль Кнутсен».

С тех пор время могло стереть все следы. Поисковому отряду предстояло теперь медленно, очень медленно возвращаться к острову Диксон, заглядывая по пути в каждую бухту, на каждый мыс, на каждую косу.

Норвежцы могли пробираться вдоль самого берега, могли срезать углы через тундру, могли идти по морскому льду. Нужно было каждый раз чутьем угадывать их выбор. Оплошность, промах — и отряд пройдет в двадцати шагах от какого-либо предмета, оставленного, брошенного или потерянного норвежцами. Пройдет, не напав на след. Поэтому с каждого места стоянки расходились пешком в разные стороны, «прочесывая» тундру.

Первой находкой были сани. Норвежцы почему-то бросили их.

Между тем у поисковой партии кончалось продовольствие. Последнюю банку консервов растянули на два дня. Оставалась надежда на ружье.

Коса возле мыса Приметного привлекла внимание Бегичева. Он медленно направился вдоль нее. И вот о чем повествует дальше его дневник:

«Я увидел сожженные дрова и подошел к ним. Здесь лежат обгоревшие кости человека и много пуговиц и пряжек, гвозди и еще кое-чего есть: патрон дробовый, бумажный и несколько патронов от винтов-

ки... Патроны оказались норвежского военного образца 1915 года».

Пришли капитан и матрос «Хеймена», молча сняли шапки. Что же здесь произошло? Решили, что один из двух, посланных с «Мод», погиб тут, на косе. У другого, должно быть, не было сил долбить вечную мерзлоту. Он сжег труп товарища, чтобы тот не стал добычей песцов.

Но кто погиб у мыса — Тессем или Кнутсен?

Что стало причиной трагедии?

Куда побрел отсюда оставшийся в живых?

Розыски продолжались до зимы, когда снежный саван надолго прикрыв тундру. Поисковый отряд прошел по Таймыру, как потом подсчитал Бегичев, 2346 верст!

Капитан и матрос «Хеймена», подружившиеся с Бегичевым, погостили у него в Дудинке, а потом вернулись в Норвегию. Шхуна ушла еще раньше. Норвежское правительство решило прекратить поиски.

Но Бегичев искал случая их продолжить. И такой случай вскоре представился.

С первых лет Советской власти началась разведка Норильского месторождения угля и медно-никелевых руд. Частым гостем Дудинки стал геолог Николай Николаевич Урванцев. В один из его приездов Бегичев познакомился с ним. И вот теперь Урванцев снаряжал небольшую экспедицию для того, чтобы разведать реку Пясину, которая могла бы стать удобным водным путем к норильским богатствам.

Бегичев примкнул к экспедиции. Больше месяца лодка Урванцева спускалась вниз по Пясине, пересекающей Таймыр. Под осень вышла в море, пробираясь вдоль берега к острову Диксон.

Однажды заметили у самой воды странные белые пятна. Урванцев заинтересовался: может быть, осколки кварца?

Но это были листки бумаги.

Почта Амундсена, пакеты, ради которых отправились в полярную ночь Тессем и Кнутсен, валялись на берегу. Один был разорван острыми когтями белых медведей. Звери разметали сделанное из плавника небольшое укрытие, где, кроме пакетов, оказались еще разные предметы, нужные в походе.

Почему норвежец оставил все это? Вероятно, силы его были на исходе. Быть может, где-то поблизости он встретил свой последний час. Надо искать!

Искали весь день.

Искали и следующий день, медленно продвигаясь к теперь уже близкому Диксону.

Нашли норвежские лыжи и обрывки оленьей шкуры. Очевидно, несчастный обессилел окончательно и...

Казалось просто непостижимым, что он исчез буквально в нескольких километрах от цели. И если даже он погиб где-то здесь, то почему никто из зимовавших на Диксоне так и не обнаружил останки?

На Диксоне, куда пришла экспедиция, Бегичев должен был ждать парохода в Дудинку. Чтобы не терять времени, он охотился возле острова.

...Скелет смутно белел в береговой расщелине. Бегичев увидел его с лодки.

На золотых часах, лежавших в кармане полуистлевшего вязаного жилета, прикрывавшего скелет, было выгравировано имя Тессема. На ремешке, привязанном к поясу, блестело золотое обручальное кольцо. «Паулина», — было написано внутри кольца. Так звали жену Тессема.

Норвежец погиб вблизи радиостанции Диксона. Если бы не полярная ночь, он должен был бы видеть ее мачту!

В дневнике Бегичева сказано: «Он лежал в 4-х шагах от моря на каменном крутом скате. От Диксона (радиостанции) в 3-х верстах». Бегичев не пытался объяснить причину гибели норвежца и отметил лишь, что закончил свою миссию по розыску погибших.

Может быть, несчастный умер от полного истощения?

А могло быть и так: увидел огни радиостанции, заторопился, сорвался на прибрежные камни. Многое могло быть, но никогда не узнаем мы, что случилось в действительности.

Я застал еще на Диксоне высокий крест из серого плавника с выжженным на нем именем погибшего. Теперь там — памятник Тессему, каменная глыба с его именем, вокруг которой столбики поддерживают тяжелую якорную цепь.

И на Диксоне же увековечена память Бегичева. Скульптор запечатлел следопыта в движении, в порыве. Улахан Анцифер шагает навстречу ледяному ветру, откинувшему полы его парки. Он видит что-то там, далеко впереди, за снежной пеленой — быть может, «Землю дьявола»...

Норвежское правительство поблагодарило представителей власти за блестящие результаты поисков спутников Амундсена. Урванцев и Бегичев получили в награду именные золотые часы.

Эти часы Никифор Алексеевич взял с собой в роковой поход, когда во главе первой на Таймыре охотничьей кооперативной артели «Белый медведь» отправился к мысу Входному.

*

Осенью 1955 года на Таймыр прилетел из столицы самолет. На мысе Входном московские криминалисты еще раз опросили свидетелей. Затем вскрыли могилу.

Труп опознал человек, лично знавший покойного. Иван Гаврилович Ананьев, тогда еще совсем молодой человек, ушел из Дудинки вместе с артелью «Белый медведь». Они добрались до Пясинского озера, и здесь Ананьев повернул к себе на факторию, а Бегичев с товарищами отправился дальше.

Я расспрашивал Ивана Гавриловича об Улахан Анцифере. Он рассказал об его отзывчивости. Охотясь вместе с эвенком Олото, Бегичев отдавал тому все шкуры добытых диких оленей: «У тебя семья большая, тебе всех одевать надо».

— Ведь вот сколько лет прошло, а спросите любого дудинца, спро-

сите кого хотите в тундре — всяк о Бегичеве слышал. Полюбился он людям, наш Никифор Алексеевич!

Бегичев запомнился Ивану Гавриловичу крепким, здоровым, каким был в начале своего последнего путешествия. Двадцать восемь лет спустя Ананьев увидел Улахан Анцифера сквозь мутный лед во вскрытом гробу...

Судебно-медицинское исследование останков было сделано на месте и продолжено потом в Москве с применением новейших достижений криминалистики. Версия о насильственной смерти Бегичева не подтвердилась. Было установлено, что Бегичев погиб от авитаминоза (цинги).

Последняя страница биографии полярного следопыта обрела достоверность. Отпали подозрения, тяготевшие над членами артели «Белый медведь». Пусть этих людей последние годы незаслуженно обвиняла лишь молва — публичное признание их невиновности после кропотливой работы криминалистов было делом нужным и гуманным.

Ради всего этого, безусловно, стоило снаряжать экспедицию к одинокой могиле на берегу Северного Ледовитого океана.

*

Казалось бы, места гибели двух норвежцев после сделанных находок можно было считать окончательно установленными. Труп Кнутсена был сожжен возле мыса Приметного, где экспедиция обнаружила остатки костра. Скелет Тессема нашли около Диксона.

Подвиг, завершившийся драмой, всегда волнует. Ученые, писатели, журналисты много раз возвращались к событиям в таймырской тундре, основываясь на давних, всем известных и бесспорных фактах.

Но бесспорных ли?

Однажды мне позвонил Никита Яковлевич Болотников, с которым нас много лет связывал общий интерес к истории Арктики и, особенно, к личности Бегичева.

— Если вы свободны вечером... (он назвал дату), то советую заглянуть в Географическое общество. Надеюсь, не раскаетесь...

Народу собралось много. Я узнавал исследователей Арктики и Антарктики, капитанов ледового плавания, известных географов. Над столом президиума карта полярных окраин Таймыра была расчерчена цветными линиями, испещрена датами, рядом с которыми выделялись жирные вопросительные знаки. Никита Яковлевич в парадном черном костюме выглядел торжественно. Детские голубые глаза удивительно не вязались с седой бородкой.

— Уважаемые дамы! Уважаемые товарищи!

Уже это несколько необычное обращение к аудитории показывало, насколько он взволнован.

А дальше мы услышали вот что.

Тессем и Кнутсен, утверждал Болотников, никогда не были у мыса Приметного. Тессем не сжигал там труп своего погибшего товарища. В костре вообще не было костей человека.

Доказательства? Прежде всего — логика. Зачем было Тессему поднимать тяжелый плавник для костра на высоту почти четырех метров — а именно там нашли золу и кости, — если он мог сжечь останки у самой воды, куда океанские волны выбрасывают стволы и сучья деревьев?

Все, что было найдено у мыса Приметного, доставили в свое время в Новосибирск и там, перед отправкой в Норвегию, находку тщательно описал инженер Рыбин. Он подробно расспросил также норвежца-переводчика, участвовавшего в поисках вместе с Бегичевым.

Рыбин узнал, что кости, найденные в костре, мало походили на человеческие, за исключением одной, которая напоминала осколок черепа.

Но главное даже не в этом. Бегичев говорил о находке винтовочных патронов, изготовленных в 1915 году. Переводчик назвал другие даты изготовления — 1912 и 1914 годы. У Рыбина значатся исключительно патроны 1912 года. По меньшей мере, странно, что Амундсен взял в ответственной экспедицию, которая могла затянуться на несколько лет, старые патроны: ведь «Мод» отправилась в плавание летом 1918 года.

Точно известно из описаний — тут расхождений нет, — что охотничьи дробовые патроны были 16-го калибра. Но ружей этого калибра на «Мод» не могло быть. Болотников списался с норвежскими полярниками и получил копию счета норвежской фирмы «Хаген», которой Амундсен заказывал охотничье снаряжение и лыжи. Фирма снабдила экипаж «Мод» исключительно ружьями 12-го калибра!

Внимательный просмотр списка всего, что было обнаружено вместе с почтой Амундсена, продолжал Болотников, также наводит на размышления. Странно, что среди вещей безусловно нужных есть папка с чистой бумагой, три кастрюли, керосиновый бак да сверх того еще пустой бачок. Неужели одинокий, обессиленный путник, помимо одежды, ружья, продовольствия, тащил около десяти килограммов!

И не вернее ли предположить, что до лагеря, где была оставлена почта, Тессем и Кнутсен шли вместе, причем состояние их было достаточно удовлетворительным. А затем случилось нечто...

Что именно? Во всяком случае, что-то очень серьезное. Может, Кнутсен тяжело заболел. Тогда, бросив все, до почты включительно, Тессем повез больного к Диксону. По дороге есть места, где коварные полыньи подстерегают путника даже в разгаре полярной зимы. Санки с больным могли провалиться под лед. Тессем тоже попал в ледяную воду. Обогреться и обсушиться ему было негде, он брел дальше, пока не замерз...

Так неожиданно все, что произошло после того, как двое спутников Амундсена покинули благополучно достигнутый ими мыс Вильда, вновь стало спорным, требующим дальнейших исследований.

Тщательный анализ вещей, найденных там, где была брошена почта, по мнению некоторых полярников, поставил под сомнение даже то, что на берегу возле Диксона найдены остатки Тессема, а не Кнутсена. Обручальное кольцо жены Тессема могло оказаться на поясе его спутника: по норвежскому обычаю его снимают с пальца после смерти для передачи родным...

Но на чьи же следы в действительности напал Бегичев у мыса Приметного?

То был лагерь «русановцев»!

...В зале заседания находились исследователи, много сделавшие для прояснения тайны «Геркулеса». Среди них — полярный гидрограф Владилен Троицкий. Тут были также члены экспедиции Географического общества и «Комсомольской правды», которая под руководством Дмитрия Шпаро, позднее возглавившего лыжный поход к Северному полюсу, несколько лет безуспешно искала новые следы «русановцев».

Новые потому, что летом 1934 года на одном из островов в Карском море был обнаружен столб с надписью: «Геркулес» 1913». Тогда же на другом острове, несколько южнее, нашли вещи двух матросов «Геркулеса».

Нынешние экспедиции исходят из того, что судно погибло, а члены его команды пробирались к берегам Таймыра, возможно к устью Енисея или Пясины. Сделано немало находок; в районе острова Песцовый под водой обнаружены предметы, которые могли оказаться там после гибели «Геркулеса».

Но оставим в стороне поиски и находки последних лет. Свое утверждение Болотников обосновывал прежде всего сходством охотничьих патронов, найденных на месте гибели двух матросов «Геркулеса» и возле костра, где, как думали раньше, было сожжено тело Кнутсена. На них оказалось одинаковое клеймо, причем не норвежской фирмы.

По мнению Болотникова, часть предметов, собранных возле костра, едва ли могла принадлежать норвежцам, но зато вполне могла быть у «русановцев». Зачем, например, людям, идущим на лыжах, лодочный багор? Только лишняя тяжесть, обуза. А для потерпевших кораблекрушение и добравшихся к берегу на шлюпке он — нужнейшая вещь.

В костре нашли остатки очков. Ни Тессем, ни Кнутсен, как установлено, очками никогда не пользовались. А среди команды «Геркулеса» был человек, носивший очки схожей формы, — механик Семенов.

Наконец, мало кто придавал значение тому, что монета, найденная Бегичевым, была французской, а не норвежской, на пуговице же оказалось клеймо парижской фирмы «Самаритен», торговавшей женской одеждой. Вспомним, что перед экспедицией Русанов был в Париже и что на «Геркулесе» находилась его невеста, француженка Жюльетта Жан...

Докладчика проводили аплодисментами. Посыпались вопросы и записки. Затем началось обсуждение. Меня особенно интересовало, что скажет Владилен Александрович Троицкий. При поисках следов «Геркулеса» ему чаще всего приходилось говорить «нет».

Он тщательно проверял разные версии.

Одно время предполагали, что русановцы могли оказаться на Северной Земле: там будто бы нашли части человеческого скелета. Троицкий летал туда, собрал кости, отправил на исследование анатомам. Те дали заключение: это кости белого медведя и северного оленя.

В другой раз в Таймырской губе нашли якобы обломки «Геркулеса». Троицкий отправился на место, произвел тщательную экспертизу облом-

ков. Нет, это был не «Геркулес», а какое-то судно, построенное в тридцатых годах.

Троицкий развесил рядом с картой Болотникова свои карты и схемы.

— Позволю себе согласиться со многими аргументами уважаемого докладчика,— начал он.— Да, вполне возможно, что Бегичев обнаружил лагерь «русановцев».

Далее ученый напомнил об ошибке Бегичева. То, что следопыт и его спутники считали мысом Приметным, на самом деле — побережье бухты Михайлова. Именно там экспедиция «Комсомольской правды» обнаружила деревянный памятный столб с надписью «Н. Б. 1921», об установке которого есть запись в дневниках Бегичева.

— Могли попасть «русановцы» в эту бухту? Вполне могли... Не могу безоговорочно согласиться с тем, что в костре не сжигалось тело или тела. В описаниях находок упоминался кусок обгоревшего пиджака. Если это не было сожжением, зачем бросать в огонь очки? Вспомним, что все найденные предметы, кроме винтовочных гильз, были обгоревшими. Если бы костер раскладывали для того, чтобы готовить пищу или обогреться, ничего подобного не могло бы быть. И не так уж много плавника понадобилось бы поднять от воды, чтобы кремировать погибшего или погибших. Вы возьмите плавник лиственницы. Так полыхает — бутылочное стекло оплавляється! Следовательно, вполне можно предположить...

Здесь я на полуслове оборву рассказ.

Обычно в детективе все выясняется в самом конце. Этот полярный детектив окончен лишь отчасти. Прояснено многое, но далеко не все. Узлы, которые казались развязанными более полстолетия назад, завязываются вновь. И мало надежд, что все они будут распутаны до конца. Арктика умеет хранить тайны.

Но искать, но распутывать надо! Ошибаясь, разочаровываясь, начиная многое сначала, без сожаления оставляя след, казавшийся таким надежным, смело вступая на новую тропу в надежде приблизиться к истине!
